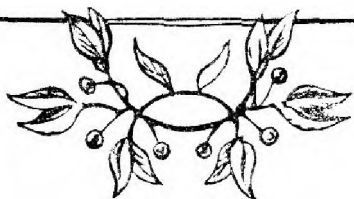

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЯЗЫКЕ

Х Р Е С Т О М А Т И Я

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
А. М. ДОКУСОВА

•
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

A small, symmetrical decorative flourish consisting of two curved lines meeting at a central point, resembling a stylized arrow or a winged element.

A decorative flourish consisting of a central winged element, similar to the one above, flanked by horizontal lines that curve upwards at the ends.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Л Е Н И Н Г Р А Д

1 9 5 5

М. В. Ломоносов

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ОБЩЕНИЯ

Блаженство рода человеческого коль много от слова зависит, всяк довольно усмотреть может. Собраться рассеянными народам в общежития, созидать грады, строить храмы и корабли, ополчаться против неприятеля, и другие нужные, союзных сил требующие дела производить, как бы возможно было, если бы они способа не имели сообщать свои мысли друг другу? Того ради всевышняя премудрость к дарованию разума присовокупила человеку и слова дарование, в котором остроумные люди уже в древние времена приметили, что оное искусством увеличено и тем с вящею пользою употреблено быть может, и для того многое старание и неусыпные труды полагали, чтобы слово свое учением возвысить и украсить, в чем они великие успехи имели и в обществе показывали знатные услуги. В нынешние веки хотя нет толь великого употребления украшенного слова, а особливо в судебных делах, каково было у древних греков и римлян, однако в предложении божия слова, в исправлении нравов человеческих, в описании славных дел великих героев и во многих политических поведеньях коль оное полезно, ясно показывает состояние тех народов, в которых словесные науки процветают.

1748. *Краткое руководство к красноречию.*
Соч., т. VII, стр. 91—92. *

По благороднейшем даровании, которым человек прочих животных превосходит, то есть правителе наших действий — разуме, первейшее есть слово, данное ему для сообщения с другими своих мыслей. Польза его толь велика, коль далече ныне простираются происшедшие от него в обществе человеческом знания, которые весьма бы тесно ограничены были, если бы каждый человек воображенные себе способом чувств понятия только в собственном своем уме содержал сокровенны. Когда к сооружению какой-

* М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений. Изд. АН СССР. М.—Л., 1952. Кроме особо оговариваемых случаев, все ссылки по этому изданию.

либо махины приготовленные части лежат особливо, и никоторая определено себе действия другой взаимно не сообщает, тогда все бытие их тщетно и бесполезно. Подобным образом если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением разных мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням.

§ 2

Правда, что кроме слова нашего можно бы мысли изображать было чрез разныя движения очей, лица, рук и прочих частей тела, как то пантомимы на театрах представляют, однако таким образом без света было бы говорить невозможно, и другие упражнения человеческие, особливо дела рук наших, великим были бы помешательством такому разговору; не упоминаю других непристойностей.¹

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 394—395.

БОГАТСТВО И ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по ея могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает. И для того нет сумнения, чтобы российское слово не могло приведено быть в такое совершенство, каковому в других удивляемся.

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 92.*

Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невроятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Силь-

ное красноречие Цицероново, великолепная Virгилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на русском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира, и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в ней углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море.²

1755. Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 391—392.

Красота, великолепие, сила и богатство российского языка явствует довольно из книг, в прошлые веки писанных, когда еще не токмо никаких правил для сочинений наши предки не знали, но и о том едва ли думали, что оные есть или могут быть.

1756. О нынешнем состоянии словесных наук в России. Соч., т. VII, стр. 582.

Российское бы слово от природы богатое, сильное, здоровое, прекрасное, ныне еще во младенчестве своего возраста, добродетелей твоих изображением растущее и укрепляющееся, превзошло б достоинство всех других языков.

*1760. Слово благодарственное имп. Елизавете Петровне. Соч., т. V, стр. 95.**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗМЕНЯЕМОСТЬ ЯЗЫКА

Язык славенский во времена Руриковы, а по свидетельству российских летописей и много прежде того, простирался в длину с востока от реки Дона и Оки на запад до Иллирика и до реки Албы, а шириною с полудни от Черного моря и от реки Дуная до южных берегов Варяжского моря, до реки Двины и до Белоозера; ибо им говорили чехи, лехи, морава, поморцы или померанцы, славяне по Дунаю, сербы и славенские болгары, поляне, бужане, кривичи, древляне, новгородские славяне, белоозерцы, суждальцы и проч. А чтобы славенский язык толь широко распространился, надобно было весьма долгое время и многие веки, а особливо что славенский язык ни от греческого, ни от латинского,

* М. В. Ломоносов. Сочинения под редакцией акад. М. И. Сухомлинова. СПб., 1896.

ни от другого какого известного не происходит; следовательно, сам собою состоит уже от самых древних времен, и многочисленные оные славенские народы говорили славенским языком еще прежде рождества христова.³

1750. Замечания на диссертацию Миллера.
Соч., т. VI, стр. 28—29.

Представим долготу времени, которою сии языки разделились... Так-то не вдруг переменяются языки! Так-то не постоянно! Так-то пропали еврейской, аларбейской, еллинской, латинской и прочие! Счастливы те, которые память по себе в книгах оставили. Польской и российской язык коль давно разделились! Подумай же когда курляндской! Подумай же когда латинской, греч. нем. росси. О глубокая древность! <...> Представим долготу времени, которою сии языки разделились...

1757. Материалы к Российской грамматике.
Соч., т. VII, стр. 658—659.

ЗНАЧЕНИЕ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В РАЗВИТИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем. Сие богатство больше всего приобретено купно с греческим христианским законом, когда церковные книги переведены с греческого языка на славенский для славословия божия. Отменная красота, изобилие, важность и сила эллинского слова, коль высоко почитается, о том довольно свидетельствуют словесных наук любители <...> Нельзя прекословить, что сначала переводившие с греческого языка книги на славенский не могли миновать и довольно остережся, чтобы не принять в перевод свойств греческих, славенскому языку странных, однако оные чрез долготу времени слуху славенскому перестали быть противны, но вошли в обычай. Итак, что предкам нашим казалось невразумительно, то нам ныне стало приятно и полезно:

< >
Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности; так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *бог, слава, рука, ныне, почитаю.*

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обетшальные отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, которой, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить не пристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славенороссийских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых. Сим штилем составлять должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речение третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подробное показание надлежит до настоящего наставления о чистоте российского штиля.

Сколько в высокой поэзии служило одним речением славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями,

в обыкновенном российском языке неупотребительными, то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы.

Сия польза наша, что мы приобрели от книг церковных богатство к сильному изображению идей важных и высоких, хотя велика, однако еще находим другие выгоды, каковых лишены многие языки, и сие, во-первых, по месту.

Народ российский, по великому пространству обитающий, не взирая на дальное расстояние, говорит повсюду вразумительным друг другу языком в городах и в селах. Напротив того, в некоторых других государствах, например, в Германии баварский крестьянин мало разумеет мекленбургского или бранденбургский швабского, хотя все того же немецкого народа.

Подтверждается вышепомянутое наше преимущество живущими за Дунаем народами славенского поколения, которые греческого исповедания держатся, ибо хотя разделены от нас иноплеменными языками, однако для употребления славенских книг церковных говорят языком, россиянам довольно вразумительным, который весьма много с нашим наречием сходнее, нежели польский, невзирая на безразрывную нашу с Польшею пограничность.

По времени ж рассуждая, видим, что российский язык от владения Владимира до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было: не так, как многие народы не учась, не разумеют языка, которым предки их за четыреста лет писали, ради великой его перемены, случившейся через то время.

Рассудив таковую пользу от книг церковных славенских в российском языке, всем любителям отечественного слова беспристрастно объявляю и дружелюбно советую, уверясь собственным своим искусством, дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и к собственной пользе воспоследует: <...> старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с российским отвратятся дикие и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту из греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пресечется, и российский язык в полной силе, красоте и богатстве переменам и упадку неподвержен утвердится <...>

Сие краткое напоминание довольно к движению ревности в тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением оного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа.⁴

1757. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. Соч., т. VII, стр. 587—591.

ВОПРОСЫ ГРАММАТИКИ

<...> хотя природное знание языка много может; однако грамматика показывает путь доброй натуре.

1755. *Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 436.*

<...> общая грамматика есть философское понятие всего человеческого слова, а особливая, какова российская грамматика, есть знание, как говорить и писать чисто российским языком по лучшему, рассудительному его употреблению.

Там же, стр. 420.

Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от всеобщего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она <...> привлекла российское юношество к своему наставлению, <...> да возрастет и русского слова исправность в богатстве, красоте и силе...

Там же, стр. 392—393.

О ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫХ ЧАСТЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЛОВА

§ 40

Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому. И так понимает он на свете и сообщает другому идеи вещей и их деяний. Изображения словесные вещей называются именами, напр.: *небо, ветръ, очи*; изображения деяний — глаголы, напр.: *синеет, веет, видят*. Итак, понеже они всегда вещь или деяние знаменуют, по справедливости знаменательные части слова названы быть могут.

§ 41

Сии знаменательные части слова должны иметь между собою соответствие, чтобы мы изобразить могли наши мысли. К сему служат особливые части, знаменующие первых друг к другу принадлежность, и называются предлоги и союзы. Предлоги для знаменования обстоятельств, к вещам или к переменам принадлежащих, предлагаются именам и глаголам раздельно...

§ 42

Множество понятий и поощрение к скорому и краткому их сообщению привело человека нечувствительно к способам, как бы слово свое сократить и выключить скучные повторения одного

речения. Оные способы суть части слова знаменательные, кратко заключающие в себе несколько идей разных, и называются местоименные, наречие, междуметие. Местоимение полагается вместо имени; наречие изображает единым речением обстояательства; междуметие представляет движение духа человеческого кратко...

§ 43

Обращения мыслей человеческих, для которых взаимного общения служит слово, произвели в нем разные преношения, из которых главнейшее есть сие, что вещи в виде деяний и деяния в виде вещей представляются; и потому от имен глаголы, от глаголов имена происходят: *золочу от золота, ручаюсь от руки*; напротив того, *терпение от терплю, клятва от клянущу, прохожий от прохожу*. Первые называем глаголами отыменными, другия именами отглагольными.

§ 44

К последним принадлежат причастия, обще за особливую часть слова почитаемые: *биущий, битый, бывший* и прочие. Сии глагольные имена служат к сокращению человеческого слова, заключая в себе имени и глагола силу; *приведенный*, вместо которого *привели*. Они в переменах причастны имени: *приведенный, приведенного* и проч., также и глагола: *бывший, будущий*, потому имеют место не последнее меж прочими частями слова.

§ 45

Из сего всего явствует, что имя и глагол суть части человеческого слова, необходимо нужные в изображении самых наших главных понятий; местоимение, причастие, наречие, предлог, союз и междуметие в сношении и в сокращении оных служат. Итак, по справедливости первые должно именовать главными, другие служебными частями слова.

§ 46

Посему слово человеческое имеет осмь частей знаменательных: 1) имя для названия вещей; 2) местоимение для сокращения именованных; 3) глагол для названия деяний; 4) причастие для сокращения соединением имени и глагола в одно речение; 5) наречие для краткого изображения обстоятельств; 6) предлог для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям; 7) союз для изображения взаимности наших понятий; 8) междуметие для краткого изъявления движений духа.

§ 48

Все вещи на свете совокупляются в некоторые общества, ради взаимного подобия, которое называется одним именем. Например, *орел, ястреб, лебедь, соловей* и прочие состоят под единым именем *птица*, что знаменует род, а *орел, ястреб, лебедь, соловей* и другие птицы суть виды. Подобным образом *человек* есть род, а *воин, судья, крестьянин* и другие — виды и различаются на верхние и нижние. Верхние виды могут быть сами родами и заключать в себе низшие виды, например: *судья* в рассуждении человека есть вид, а в рассуждении Якова, Федора, Ивана и прочих имен есть род, ибо судья может быть Иван, Яков, Федор, которые суть виды, и называются именами собственными, а прочие вышние виды и роды: *птица, орел, человек, купец* — суть именами нарицательные.

§ 49

Собрание многих видов вместе часто представляется уму нашему в одном понятии и имеет для того одно нарицательное имя, которое собирательным называется. Таковы суть *полк, сбор, лес, стадо*.

§ 50

Воображение вещей приводит в ум наш купно их качества. Вещи к качествам не присоединены необходимо, качества без вещей самой быть не могут. Итак, имена, значащие вещь самую называются существительные, например, *огонь, вода*, значащие качества именуются прилагательные: *великой, светлой, быстрая, чистая*.

1755. *Российская грамматика*.⁵ Соч., т. VII, стр. 406—409.

ПРАВОПИСАНИЕ И ПРОИЗНОШЕНИЕ

В правописании наблюдать надлежит, 1) чтобы оно служило к удобному чтению каждому знающему российской грамоте, 2) чтобы не отходило далече от главных российских диалектов; которые суть три: московский, северный, украинский, 3) чтобы не удалялось много от чистого выговору, 4) чтобы не закрылись совсем следы произхождения и сложения речений.

1755. *Российская грамматика*. Соч., т. VII, стр. 429—430.

Московское наречие не токмо для важности столичного рода, но и для своей отменной красоты прочим справедливо предпочитается, а особливо выговор буквы *о* без ударения, как *а*, много приятнее, но от того московские уроженцы, а больше те, которые немного и невнимательно по церковным книгам читать

учились, в правописании часто погрешают, пишущи *а* вместо *о*: *хачу* вместо *хочу*, *савари* вместо *говори*. Но ежели положить, чтобы по сему выговору всем писать и печатать, то должно большую часть России говорить и читать снова переучить насильно.

1755. *Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 430.*

ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

НЕИСЧЕРПАЕМЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЭЗИИ

Почтеннейшие господа!

Ода, которую вашему рассуждению вручить ныне высокую честь имею, не что иное есть, как только превеликия оныя радости плод, которую непобедимейшая наша монархиня преславная над неприятелями победа в верном и ревностном моем сердце возбудила. Моя продерзость вас неискусным пером утруждать только от усердия к отечеству и его слову любви происходит. Подлинно, что для скудости к сему предприятню моих сил лучше бы мне молчать было. Однако, не сомневаясь, что ваше сердечное радение к распространению и исправлению российского языка и мое в сем неискусство и в российском стихотворстве недовольную способность извинит, а доброе мое намерение за благо примет, дерзнул наималейший сей труд купно со следующим о нашей версификации вообще рассуждением вашему предложить искусству. Не пристрастие меня к сему понудило, чтобы большее искусство имеющим правила давать, но искреннее усердие заставило от вас самих научиться, правдивы ли оные мнения, что я о нашем стихосложении имею и по которым доныне стихи сочиняя, поступаю.

Итак, начиная оное вам, мои господа, предлагать, прежде кратко объявляю, на каких я основаниях оные (правила стихосложения. — *Ред.*) утверждаю.

Первое и главнейшее мне кажется быть сие: российские стихи надлежит сочинять по природному нашего языка свойству, а того, что ему весьма несвойственно, из других языков не вносить.

Второе: чем российский язык изобилует, и что в нем к версификации угодно и способно, того, смотря на скудость другой какой-нибудь речи или на небрежение в оной находящихся стихотворцев, не отнимать, но как собственное и природное употреблять надлежит.

Третье: понеже наше стихотворство только лишь начинается, того ради, чтобы ничего неугодного не ввести, а хорошего не оставить, надобно смотреть кому и в чем лучше последовать.

На сих трех основаниях утверждаю я следующие правила.

Первое: в российском языке те только слоги долги, над которыми стоит сила, а прочие все коротки. Сие самое природное произношение нам очень легко показывает. Того ради совсем худо и

свойству славенского языка, который с нынешним нашим не много разнится, противно учинил Смотрицкий, когда он *e, o* за короткие, *a i, u* за общие, *u, ъ, ѡ* с некоторыми дугласными и со всеми гласными, что пред двумя или многими согласными стоят, за долгие почел. Его, как из первого параграфа его просодии видно, обманула Матфея Стриковского Сарматская хронология или он, может быть, на сих Овидиевых стихах утверждался...

[Стыдно мне, я написал книжку на гетском языке,
И варварские слова построены нашим размером.
И, поздравь меня, я понравился,
И необразованные геты начали считать меня поэтом.]

Ежели Овидий, будучи в ссылке в Томах, старинным славенским или болгарским или сарматским языком стихи на латинскую статью писал, то откуда Славенския грамматики автору на ум пришло долгость и краткость слогов совсем греческую, а не латинскую принять, не вижу. И хотя Овидий в своих стихах, по обыкновению латинских стихотворцев стопы и, сколько из сего гексаметра

[Ты спрашиваешь о теме? Я произнес похвалу Цезарю.]

заклЮчить можно, двоесложные и троесложные в героическом своем позмате употреблял, однако толь высокого разума пиита не надеюсь что так погрешил, чтобы ему долгость и краткость слогов латинскому или греческому языку свойственную, в оные стихи ввести, которые он на чужом и весьма особливом языке писал. И ежели древний оный язык от нынешнего нашего не очень был различен, то употреблял остроумный тот стихотворец в стихах своих не иные, как только те за долгие слоги, на которых акцент стоит, в прочие все за краткие. Следовательно, гексаметры употребляя вместо спондеев для их малости хорей, тем же образом писал, которым следующие российские сочинены:

Счастлива красна была весна, все лето приятно.
Только мутился песок, лишь белая пена кипела.

А пентаметры:

Как обличаешь, смотри больше свои на дела.
Ходишь с кем всегда, бойся того подопнуть.

А не так, как Славенския грамматики автор.

Сарматски новораствны музы стопу первую,
Тытающую Парнас во обитель вечну зятя,
Христе царю, прими и, благоволив тебе с отцем.

и проч.

Сии стихи коль славенского языка свойству противны, всяк видеть может, кто оный разумеет. Однако не могу я и оных сим предпочитать, в которых все односложные слова за долгие почитаются. Причина сего всякому россиянину известна. Кто будет протягивать единосложные союзы и многие во многих случаях предлоги?

Самые имена, местоимения и наречия, стоя при других словах, свою силу теряют; например: за сто лет; под мост упал; ревет как лев; что ты знаешь? По оному королларию, в котором сие правило счастливо предложено, сочиненные стихи, хотя быть гексаметрами, в истые и изрядные, из анапестов и ямбов состоящие пентаметры попали, например:

Невозможно сердцу, ах! не иметь печали.

По моему мнению, наши единосложные слова иные всегда долги, как: *бог, храм, свят*, иные кратки, например союзы: *же, да, и*, а иные иногда кратки, иногда долги, например: *на море, по году, на волю, по горе*.

Второе правило: во всех российских правильных стихах, долгих и коротких, надлежит нашему языку свойственные стопы, определенным числом и порядком учрежденные, употреблять. Оные каковы быть должны, свойство в нашем языке находящихся слов оному учит. Доброхотная природа как во всем, так и в оных, довольное России дала изобилие. В сокровище нашего языка имеем мы долгих и кратких речений неисчерпаемое богатство, так что в наши стихи без всякия нужды двоесложные и троесложные стопы внести, и в том грекам, римлянам, немцам и другим народам, в версификации правильно поступающим, последовать можем. Не знаю, чего бы ради иного наши гексаметры и все другие стихи, с одной стороны, так запереть, чтобы они ни больше ни меньше определенного числа слогов не имели, а с другой, — такую волю дать, чтобы вместо хорей свободно было положить ямба, пиррихия и спандея, а следовательно, и всякую прозу стихом называть, как только разве следуя на рифмы кончающимся польским и французским строчкам? Неосновательное оное употребление, которое в Московские школы из Польши принесено, никакого нашему стихосложению закона и правил дать не может. Как оным стихам последовать, о которых правильном порядке тех же творцы не радуют? Французы, которые во всем хотят натурально поступать, однако почти всегда противно своему намерению чинят, нам в том, что до стоп надлежит, примером быть не могут, понеже надеясь на свою фантазию, а не на правила, толь криво и косо в своих стихах слова склеивают, что ни прозой, ни стихами назвать нельзя. И хотя они так же, как и немцы, могли бы стопы употреблять, что сама природа иногда им в рот кладет, как видно в первой строфе оды, которую Боало Депро на сдачу Намура сочинил:

Какое ученое и священное пьянство дает мне
Днесь закон? Чистые пермесские музы...

однако нежные те господа, на то не смотря, почти одними рифмами себя довольствуют. Пристойным весьма символом французскую поэзию некто изобразил, представив оную на театре под видом некоторыя женщины, что, сугорбившись и раскарячившись, при музыке играющего на скрипиче Сатира танцует. Я не могу

довольно о том нарадоваться, что российский наш язык не токмо бодростию и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но и подобную оным, а себе купно природную и свойственную версификацию иметь может. Сие толь долго пренебреженное счастье, чтобы совсем в забвении не осталось, умыслил я наши правильные стихи из некоторых определенных стоп составлять и от тех, как в вышеозначенных трех языках обыкновенно, оным имена дать.

Первый род стихов называю ямбическим, который из одних только ямбов состоит:

Бел̄еет, буд̄то снег̄ лиц̄ом.

Второй — анапестическим, в котором только одни анапесты находятся:

Начерт̄ан̄ многократ̄но в бегущ̄их вол̄нах.

Третий — из ямбов и анапестов смешанным, в котором по нужде или произволению, поставлены быть могут, как случится:

Во п̄щу себе чер̄вей хват̄ать.

Четвертый — хореическим, что одни хорей составляют:

Свет̄ мой, знаю, что пы̄лает.

Мне моя не служ̄ит доля.

Пятый — дактилическим, который из единых только дактилей состоит:

Вь̄ется̄ круг̄амӣ зм̄ия̄ по трав̄е, обнов̄ив̄шись̄ в рас̄салин̄е.

Шестой — из хореев и дактилей смешанным, где, по нужде или по изволению, ту и другую употреблять можно стóпу.

Е̄жель̄ бо̄ится̄, кто̄ не̄ стал̄ бы̄ сӣлен̄ без̄мер̄но.

Сим образом расположив правильные наши стихи, нахожу шесть родов гексаметров, столько ж родов пентаметров, тетраметров, триметров и диметров, а следовательно, всех тридцать родов.

Неправильными и вольными стихами те называю, в которых вместо ямба или хорей можно пиррихия положить. Оные стихи употребляю я только в песнях, где весьма определенное число слогов быть надлежит. Например, в сем стихе вместо ямба пиррихий положен:

Цв̄еты̄, рум̄янец̄ умножай̄те.

А здесь вместо хорей:

Сол̄нцев̄а̄ сест̄ра̄ забы̄ла̄.

Хорея вместо ямба и ямба вместо хорея в вольных стихах употребляю я очень редко, да и то ради необходимости нужды или великия скорости: понеже они совсем друг другу противны.

Что до цезуры надлежит, оную, как мне видится, в середине правильных наших стихов употреблять и оставлять можно. Долженствует ли в нашем гексаметре для одного только отдыху быть неотменно, то может рассудить всяк по своей силе. Тому в своих стихах оную всегда оставить позволено, кто одним духом тринадцати слогов прочитатъ не может. За наилучшие, велелепнейшие и к сочинению легчайшие, во всех случаях скорость и тихость действия и состояния всякого пристрастия изобразить наиспособнейшие оные стихи почитаю, которые из анапестов и ямбов состоят.

Чистые ямбические стихи хотя и трудновато сочинять, однако поднимаясь тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Оных нигде не можно лучше употреблять, как в торжественных одах, что я в моей нынешней и учинил. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилев составленные стихи, к изображению крепких и слабых аффектов скорых и тихих действий быть видятся.

Пример скорого и яркого действия:

Бревна катайте наверх, камни и горы валите,
Лес бросайте, живучий выжав дух, задавите.

Прочие роды стихов, рассуждая состояние и важность материи, также очень пристойно употреблять можно, о чем подробно упоминать для краткости времени оставляю.

Третье: российские стихи красно и свойственно на мужские, женские и три литеры гласные в себе имеющие рифмы, подобные итальянским, могут кончаться. Хотя до сего времени только одни женские рифмы в российских стихах употребляемы были, а мужские и от третьего слога начинающияся заказаны, однако сей заказ толь праведен и нашей версификации так свойственен и природен, как ежели бы кто обеими ногами здоровому человеку всегда на одной скакать велел. Оное правило начало свое имеет, как видно, в Польше откуда пришел в Москву, нарочито вкоренилось. Неосновательному оному обыкновению так мало можно последовать, как самим польским рифмам, которые не могут иными быть, как только женскими: понеже все польские слова, включая некоторые односложные, силу над предкончаемом слоге имеют. В нашем языке толь же довольно на последнем и третьем, коль над предкончаемом слоге силу имеющих слов находится, то для чего нам оное богатство пренебрегать, без всякия причины самовольно нищету терпеть и только одними женскими побрякивать, а мужских бодрость и силу, тригласных устремление и высоту оставлять? Причины тому никакой не вижу, для чего бы мужские рифмы толь смешны и подлы были, чтобы их только

в комическом и сатирическом стихе, да и то еще редко, употреблять можно было?

И чем бы святее сии женские рифмы: *красовулях, хобулях* следующих мужеских: *восток, высок* были? По моему мнению, подлость рифмов не в том состоит, что они больше или меньше слогов имеют, но что оных слова подлое или простое что значат.⁶

Четвертое: российские стихи так же кстати, красно и свойственно сочетаваться могут, как и немецкие. Понеже мы мужеские, женские и тригласные рифмы иметь можем, то услаждающая всегда человеческие чувства перемена оные меж собою перемешивать пристойно велит, что я почти во всех моих стихах чинил. Подлинно, что всякому, кто одни женские рифмы употребляет, сочетание и перемешка стихов странны кажутся, однако ежели бы он к сему только применился, то скоро бы увидел, что оное толь же приятно и красно, коль в других европейских языках. Никогда бы мужская рифма перед женскою не показалася, как дряхлый, черный и девяносто лет старый арап перед наипоклоняемою, наинежною и самым цветом младости сияющею европейскою красавицею.

Здесь предлагаю я некоторые строфы из моих стихов в пример стоп и сочетания. Тетраметры, из анапестов и ямбом сложенные:

На восходе солнце как зардится,
Вылетает вспылчиво хищный восток.
Глаза кровавы, сам вертится;
Удара не сносит север в бок.
Господство дает своему победителю,
Пресильному вид морских возбудителю.
Свой тот зыби на прежни возводит,
Являет полность силы своей,
Что южный страной владеет всей,
Индийски быстро острова проходит.

Вольные вставающие тетраметры:

Одна с Нарциссом мне судьбина,
Однако с ним любовь моя:
Хоть я не сам тоя причина,
Люблю Маргиллу, как себя.

Вольные падающие тетраметры:

Нимфы окол нас кругами
Тащевали поючи,
Всплескиваючи руками,
Нашей искренной любви
Веселяся привечали
И цветами нас венчали.

Ямбические триметры:

Весна тепло ведет,
Приятный запад веет,
Всю землю солнце грет;
В моем лишь сердце лед,
Грусть прочь забавы бьет.

Е. В. Андреев 1959 г.

Но, мои господа, опасаяся, чтобы неважным сим моим письмом вам очень долго не наскучить, с покорным прошением заключаю. Ваше великодушие, ежели мои предложенные о российской версификации мнения нашему языку не свойственны и не пристойны, меня извинит. Не с иными коим намерением я сие учинить дерзнул, как только чтобы оных благосклонное исправление или беспристрастное подкрепление для большего к поэзии поощрения от вас получить, чего несомненно надеясь, остаюсь, почтеннейшие господа,

ваш покорнейший слуга
Михайло Ломоносов

*1739. Письмо о правилах российского стихотворства.
Соч., т. VII, стр. 9—18.*

РОЛЬ ПИСАТЕЛЯ В БОРЬБЕ ЗА ИЗУЧЕНИЕ СЛОВЕСНЫХ НАУК

Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы <...> Легко рассудить можно, коль те похвалы, которых рачение о словесных науках служит к украшению слова и к чистоте языка, особливо своего природного. Противным образом коль вредны те, которые нескладным плетением хотят прослыть искусными и, охудая самые лучшие сочинения, хотят себя возвысить; сверх того, подав худые примеры своих незрелых сочинений, приводят на неправой путь юношество, приступающее к наукам, в нежных умах вкореняют ложные понятия, которые после истребить трудно или и вовсе невозможно.

*1756. О нынешнем состоянии словесных наук в России.
Соч., т. VII, стр. 581—582.*

...в самые древнейшие времена за острыми мыслями авторы, как видно, не так гонялись, как в последовавшие потом и в нынешние веки, ибо ныне не имеющее острых мыслей слово уже не так приятно кажется, как бы оно впрочем велико и сильно не было. И для того, последуя вкусу нынешнего времени, предлагаем здесь несколько правил о изобретении витиеватых речей, о чем древние учителя красноречия мало упоминают. Но сие показываем не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италианским авторам, которые, силясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко завираются.⁷

*1748. Краткое руководство к красноречию.
Соч., т. VII, стр. 205—206.*

§ 164

Украшение есть изобретенных идей пристойными и избранными речениями изображение. Состоит в чистоте штиля, в течении слова, в великолепии и силе оного.

§ 165

Первое зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто. В первом способствует прилежное изучение правил грамматических, во втором — выборание из книг хороших речений, пословий и пословиц, в третьем — старание о чистом выговоре при людях, которые красоту языка знают и наблюдают <...> Кто хочет говорить красно, тому надлежит сперва говорить чисто и иметь довольство пристойных и избранных речений к изображению своих мыслей.

1748. *Краткое руководство к красноречию.*
Соч., т. VII, стр. 236—237.

О ПУТЯХ ПРОНИКНОВЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ
В РУССКИЙ ЯЗЫК

1) Иностранные слова пришли к нам с первыми нашими тремя князми, как берлога, и проч.

2) С православною греческою верою: поп, панамарь, риза.

3) От владения татарского.

4) От купечества с пограничными персами, китайцами, англичанами.

5) Чрез общество и частые войны с поляками.

6) От введения наук в Российское государство чрез г[осударя] и[мператора] П[етра] В[еликого].

7) Сверх того все пограничные россияне имеют много слов от пограничных народов...

С греческого языка имеем мы великое множество слов русских и славенских, которые для переводу книг сперва за нужду были приняты, а после в такое пришли обыкновение что будто бы они сперва в российском языке родились.

1750 годы, [О переводах] Соч., т. VII, стр. 607, 608—609.

Всякую разность чисел и падежей <...> умеют различать искусные писатели и читатели по сочинению с принадлежащими

к ним речениями; для того не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий, ⁸ каковые в *истинных известиях*, и во многих подобных не без отвращения чувствительны.

1755. *Российская грамматика. Соч., т. VII, стр. 433*

ПРОТИВ ЗАСОРЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОСТРАННЫМИ СЛОВАМИ

Ныне принимать чужих не должно, чтобы не упасть в варварство, как латинскому. Прежде прием чужих полезен, после вреден.

1750 *годы. [О переводах] Соч., т. VII, стр. 768.*

М. В. ЛОМОНОСОВ

1. Настоящая выдержка взята из «Российской грамматики». Великий русский писатель, ученый-энциклопедист, Ломоносов не ставит и не разрешает вопросов грамматики узко-специфически. Он пишет о том значении, которое имеет слово, речь в развитии человеческого познания вообще, в развитии процесса мышления, в общении людей друг с другом, т. е. он ставит и разрешает вопрос о значении слова для жизни человеческого общества.

2. Если учесть неустановленность русского литературного языка в то время, когда Ломоносов писал свое предисловие к «Российской грамматике», то станет ясным, как велика его заслуга перед русской культурой. Приведенные в данном разделе материалы свидетельствуют об облике Ломоносова как страстного патриота, решительно выступившего в защиту русского языка как языка литературы, против космополитической устремленности дворянского общества.

3. Для своего времени рассуждения Ломоносова по вопросам истории языка, приводимые нами, являлись большим шагом вперед в науке, направляя внимание дальнейших исследователей, вместо перелетов западноевропейских теорий, на путь конкретного исторического изучения славянских языков.

4. Взгляды Ломоносова на соотношение церковнославянского языка с живым русским разговорным языком менялись. В «Письме о правилах российского стихотворства» он считал эти языки как бы двумя периодами развития одного языка, но впоследствии изменил свой взгляд и предполагал специально разобраться и «писать о разности славянского языка с российским». В статье «О пользе книг церковных в российском языке» (1757 г.) он подходит к разрешению этой задачи в рассуждениях о трех штилях. «Три штиля» не были открытием Ломоносова. Еще Феофан Прокопович в 700-х годах, в своих лекциях по риторике в Киевской духовной академии говорил о трех слогах в ораторской речи: высоком, среднем и низком. Новое, внесенное Ломоносовым, состоит в следующем: 1) представление во всех штилях преимущества живому русскому разговорному языку; 2) требование систематического очищения русского литературного языка от устаревших церковнославянских слов; 3) удержание и освоение русским языком только особенно близкого и нужного из церковнославянского языка. Важно отметить, что Ломоносов заботится об очищении русского литературного языка, да и русского языка вообще, от чрезмерного количества иногда самых не подходящих русскому языку западноевропейских варваризмов.

5. В настоящем издании, по условиям ограниченности места, нет возможности привести полностью все высказывания Ломоносова.

Для образца даем лишь отдельные отрывки, которые не терпят своего смысла от обособления из общего текста «Российской грамматики».

6. В вопросе о возможности употребления мужских рифм Ломоносов полемизирует с Тредиаковским. Тредиаковский, признавая только женскую рифму, полагал, что сочетание мужских и женских рифм противоречит самой природе русского стихосложения.

7. В «Риторике» Ломоносов неоднократно предостерегал писателей от чрезмерного увлечения «острыми мыслями», «умножительными распространениями», «витиеватыми речами», что может привести к искажению подлинных мыслей, к «детскому, пустым шумом наполненному многословию». Это говорит о серьезном внимании Ломоносова к содержанию речи.

8. Настоящая выдержка интересна решительным утверждением, что «не должно в российский язык вводить несвойственных безобразий», — т. е. нужно в работе над языком отправляться от постижения свойственных ему самому закономерностей, а не привносить их извне.